

Г.А. Островская

**Владивосток
2006**

*Возвращаю
Душой! Спасибо
с любовью за всё.
Маша*

Г. Я. Островская

Телебайки

13.06.06.

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2006

ББК 84Р
О 78

Художественное оформление книги
В. В. Островского

Островская, Г. Я.
О 78 Телебайки. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. — 56 с. : ил.

Островская Галина Яковлевна — журналист, театровед, доцент кафедры теле-радиожурналистики ИМК ДВГУ. 30 лет проработала в Приморском телерадиокомитете, встречалась с десятками крупных творческих деятелей: артистами, художниками, музыкантами, писателями. Популярны в пишущем народе короткие истории о телевидении, которые Островская окрестила «телебайками», и в телевизионной, и в печатной форме легки и изящны.

Надеемся, что и читатели получат удовольствие от ознакомления с этой книгой.

О 4702010000
180(03)-2006

ББК 84Р

© Островская Г. Я., 2006
© Издательство Дальневосточного университета, 2006

Введение

В начале 80-х годов, естественно, прошлого XX века (привыкнуть к словам «прошлый век» невозможно, себя при этом ощущаешь древностью), мы с мужем были в туристической поездке в Париже. Уставшие после интересных и утомительных экскурсий, мы вваливаемся в гостиничный номер и первым делом включаем телевизор, передававший вечерние новости. На экране симпатичные мадам и месье о чем-то мило беседуют, оба смеются, идут разные новостные сюжеты, снова симпатичная пара. Французским языком мы, к сожалению, не владеем, потому утром первым делом спрашиваем у нашей переводчицы, о чем могли беседовать в новостной программе ведущие, и тем более, над чем могла смеяться мадам.

— Ну, как же, — немедленно отреагировала переводчица, — в самом начале мужчина, как истинный джентльмен, сказал даме, что она прелестно выглядит и ей удивительно к лицу новая прическа. Естественно, напарница с удовольствием рассмеялась и поблагодарила мсье.

Я была в шоке. На советском телевидении того времени улыбки появлялись в отфильтрованном КВНе и кристально чистом «Голубом огоньке». При этом зрители, конечно, не ведали и не видели закадрового действия, в котором бывало всякое: и нелепое, и смешное, и несообразное. Хотя почему только в закадровом? Тут я явно лукавлю. Мне довелось свои лучшие молодые годы в 1960—80-х проработать на Приморском краевом телевидении. Это было время становления и расцвета замечательного электронного СМИ.

Я не случайно говорю об электронном средстве массовой информации, т.к. телевидение более всех других СМИ зависит от техники. Так, в 60—70 годы набирающее силы ТВ работало только в прямом эфире, потому многие казусы и ляпы становились достоянием зрителей. Позже пришла, казалось бы, спасительная видеозапись. Но первые годы

ее нельзя было остановить, перезаписать неудавшийся момент: она была безмонтажной. То есть практически то же самое прямое телевидение, только в виде консервной банки, и законсервированную продукцию, т.е. саму себя, можно было лицезреть к собственному ужасу на экране вечером.

Мы обожали свою работу, гордились ею, крепко дружили между собой, бесконечно придумывали что-то новое, иногда изобретая велосипед, смотрели передачи друг друга и старались быть объективными при их оценке. Мы волновались перед каждым эфиром, нервно курили и пили валидол. Впрочем, об этом хорошо сказал известный в те годы московский тележурналист, а нынче педагог МГУ Г. Кузнецов, определяя разницу между нашим поколением журналистов и сегодняшним: «Мы раньше много думали, а потом делали передачу, нынешние сначала делают передачу, а потом думают, что в ней исправить при монтаже».

Конечно, память сохранила далеко не все забавные случаи нашей телевизионной молодости. Что-то вспомнилось, что-то подсказали коллеги, и сегодня эти случившиеся казусы, превратившиеся в байки, кажутся не менее забавными.

Однофамилец

Неопытной, весьма сомневающейся в своих возможностях, пока еще даже не журналисткой пришла я на телевидение. Начала трудовую деятельность, как и положено юному созданию, в молодежной редакции. Одна из первых командировок — в славный город Находку. По заданию редакции иду в морской порт, робко протягиваю свое телевизионное удостоверение в окошечко бюро пропусков и буквально через мгновение начинаю ощущать пристальное и заботливое внимание к своей более чем скромной персоне. Меня окружают какие-то солидные дяденьки, заинтересованно расспрашивают о цели командировки, обещают всяческое содействие. При этом мы идем по огромной территории работающего порта, мне с гордостью все показывают и комментируют в самых восторженных тонах. Как бы между делом один из сопровождающих с волнением в голосе спрашивает, кем мне приходится Юрий Иванович.

— А Юрий Иванович — это кто? — в свою очередь спрашиваю я.

— Ну, как же, наш Юрий Иванович Островский, начальник Находкинского порта.

— Да никем он мне не приходится, просто однофамилец, — искренне и наивно отвечаю я.

И сразу все встало на свои места. Солидные дяденьки исчезли так же быстро, как и появились. А молодая растерянная журналисточка осталась посреди грохочущего порта в гордом одиночестве и понятия не имела, куда идти...

А дама без чулок

И снова Находка. Я проработала уже несколько лет и ощущала себя если не телевизионным волком, то уж волчицей наверняка. Мы с оператором весь жаркий летний день провели в соседнем селе, снимая колхозную молодежь. Дико уставшие, вернулись поздним вечером, когда все магазины, столовые и гостиничный буфет уже были закрыты. Мы весь день не ели, потому нам не оставалось ничего другого, как поужинать в ресторане.

На подходе к ресторану мы увидели шикарных по тем временам девиц — находкинских проститутток, которые ожидали иностранных клиентов. Владивосток был тогда закрытым городом, а международным морским портом была Находка. И, конечно, иностранные моряки становились всегдашними многочисленными ресторанами да интерклуба — больше податься было некуда.

Время от времени очередная осчастливленная местная путана об руку с заграничным кавалером впарживала в ресторанные двери, любезно распахиваемые могучим вышибалой. Перед нами, голодными и уставшими, грозный страж встал как каменная стена.

— Не пушу!

— ?!

— На даме нет чулок. А без чулок и ресторан нельзя, здесь иностранцы.

И в результате, пройдя через служебный ход, показав удостоверение, мы всё-таки проникли в дальний уголок зала и съели по вожделенной котлете. Но каковы порядочки...

Космополит

И ещё раз напоследок о Находке.

Мы с приятелем, отлично знавшим английский язык, оказались вечером в интерклубе. Свободных мест не было, и к нам за столик подсел иностранный моряк. Завязался разговор, мы знакомимся.

— Галина Островская, — протягиваю руку.

— Как, это я — Островский, — изумляется новый знакомый, в далеком русском порту найдя однофамилицу. Выпиваем, болтаем, приятель едва успевает переводить. И мы, два советских молодых человека, понимаем, что встретились с настоящим космополитом. Беседа проходила примерно так:

— А где ваша родина?

— Какая родина? Я моряк, где порт — там и родина.

— Тогда где вы родились?

— О, это было давно. В Польше.

— А семья у вас есть?

— Друзья мои, я моряк, где порт — там семья.

— Ну, а дети у вас есть?

— Кто ж их знает, может, и есть. А где работает мадам?

Мадам объясняет, что работает на телевидении.

— О, тиви! Реклама, бюст!

Зардевшаяся худенькая мадам пытается объяснить, что она редактор молодежного вещания. Но нашего иностранца сбить с его версии невозможно, он категорически не понимает, что может делать молодая женщина на ТВ кроме рекламы бюста.

Тогда нам его представления казались дикими, сегодня подобная концепция, согласитесь, стала намного яснее.

Мы с вами так близки...

В 60-х Владивосток стал местом проведения первого Всесоюзного слёта молодых рыбаков. В те времена подобные мероприятия обставлялись с огромной помпой. В город приехали рыбаки со всех бассейнов страны, а гостями были известные актеры, певцы, музыканты, даже второй космонавт планеты Герман Титов, обаятельный, улыбчивый, тщательно охраняемый и опекаемый властями. Конечно, для ТВ слет был событием, над освещением которого прежде всего работала молодежная редакция. Руководство приняло решение — транслировать бал молодых рыбаков в прямом эфире (другого не было). Сказано — сделано. В Доме офицеров — месте проведения бала — разворачивается передвижка, то бишь передвижная телевизионная станция (ПТС), устанавливаются камеры, микрофоны, свет... Комментировать происходящее должны двое: опытный зубр, известный всему Приморью журналист Георгий Громов и я (ох, как далеко до зубра). Днем бегу на совещание, где обсуждается проведение вечернего бала. Со мной рядом оказывается импозантный незнакомец, по ходу выясняется, что это руководитель эстрадного оркестра, который будет сопровождать бал и аккомпанировать певцам. Обмениваемся парой ничего не значащих, кроме привычной вежливости, реплик, представившись друг другу.

И вот бал. На ходу придумываем с замечательным журналистом Громовым комментарий, берем интервью у рыбаков, актеров, организаторов слета, даже танцуем. Решаем, что очередное интервью я возьму у руководителя оркестра. Он соглашается, и вот мы уже в эфире. Я расспрашиваю его о коллективе, о репертуаре, о гастролях, естественно о том, каким ветром их занесло на рыбацкий слет во Владивосток. Ничтоже сумняшеся, мой собеседник отвечает:

— Что вы, я так счастлив. Здесь есть такие очаровательные девушки, как вы. А мы с вами уже так близки...

И далее в таком же примерно духе. Я пытаюсь прервать поток его красноречия, наконец мне это удается, быстро благодарю и, как только перестает гореть глазок телекамеры, начинаю сквозь бурные рыдания объяснять ему, что я думаю по его поводу. Он искренне удивлен:

— Это же обычный комплимент, что тут такого?

Я в истерике говорю, что навек опозорена и уйду с телевидения. А между тем трансляцию бала надо продолжать. И умница Громов трясет меня за плечи и почти кричит:

— Девчонка! Ты на работе. Немедленно прекратить истерику! Через пять минут ты в кадре.

Вот так мы учились профессии.

Титов на ТВ

Герман Титов был приглашен следующим вечером в студию телевидения на пресс-конференцию. Ее проводили самые известные в крае журналисты. Вопросы сыпались на гостя один за другим, все шло как по маслу. Наконец передача подошла к концу.

А дальше произошло то, чего никто не ожидал. Зрители прекрасно знали, что все передачи идут в прямом эфире, что Герман Титов находится на телевидении. И когда по окончании эфира знаменитый космонавт со своими сопровождающими вышел на крыльцо телестудии, он к изумлению увидел огромную толпу восторженных людей, пришедших посмотреть на живую легенду. Эти люди радостно улыбались, аплодировали, и десятки рук тянулись к нему за автографами.

С великим трудом удалось добраться Титову до ожидавшей его машины.

Телевидение и циклон

В 60-х годах мой муж вернулся из туристической поездки в Данию. Тогда в подобные страны из Владивостока выезжало не так много туристов, и уже упомянутый Георгий Исаевич Громов пригласил его на ТВ рассказать о поездке.

В этот день нагрянул летний циклон. Редкие машины плыли по мостовой, с сопков обрушивались потоки воды.

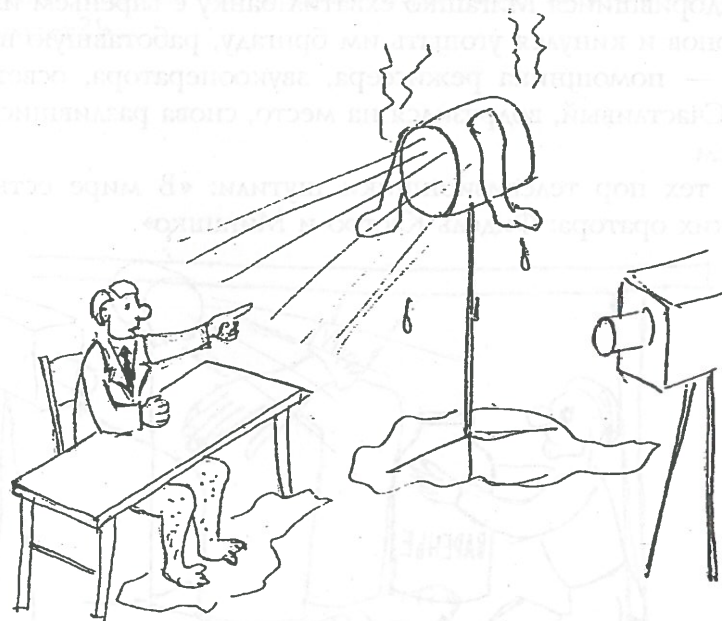
Конечно, нормальный человек в самый разгул стихии не вышел бы из дому. Но, поскольку жена работала на ТВ, он знал, как она трясется перед каждым эфиром — а вдруг не придет приглашенный человек (на ТВ он называется «выступающий»), тогда передача сорвется и что делать?

И мой муж, надев лучший костюм, мужественно отправился на телевидение к Громову. Только выйдя на улицу, через несколько шагов он провалился в какую-то яму, потом

в другую, набрал полные сапоги воды, но... явился на передачу вовремя.

Зрители увидели в кадре сидящего за столиком respectable мужчину в белоснежной сорочке, модном галстуке, с увлечением рассказывавшего об удивительной и прекрасной стране Дании.

Зрители не видели, что он сидел в трусах с босыми ногами, на софитах висели и сушились выжатые брюки, а под мощными фонарями дымились от испаряющейся влаги резиновые сапоги.

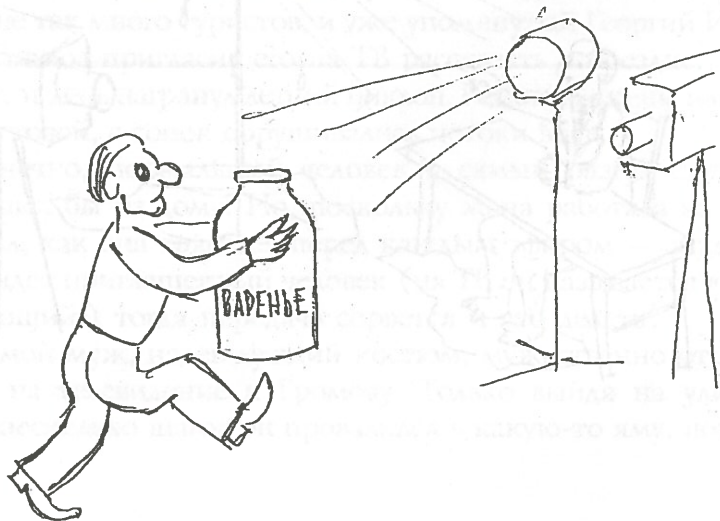

Фидель Кастро и Мигашко

В 60-х годах в Приморье чрезвычайной популярностью пользовался известный селекционер, агроном Владимир Мигашко. Его часто приглашали на встречи со школьниками, с разными взрослыми аудиториями, на радио, ТВ. Чувствовал он себя на этих встречах как рыба в воде и очень пестовал свое паблисити, свой имидж.

Громов пригласил в свою программу Мигашко на небольшое интервью, которое должно было длиться в прямом эфире три минуты. Обрадованный агроном притащил с собой в студию пол-огорода. Он начал с таким жаром расписывать новые сорта, что остановить его не мог даже многоопытный Громов. Каких три минуты! О времени все забыли. Наконец раззадорившийся Мигашко схватил банку с вареньем из патиссонов и кинулся угощать им бригаду, работавшую в студии, — помощника режиссера, звукооператора, осветителей. Счастливый, водрузился на место, снова разлившись соловьем.

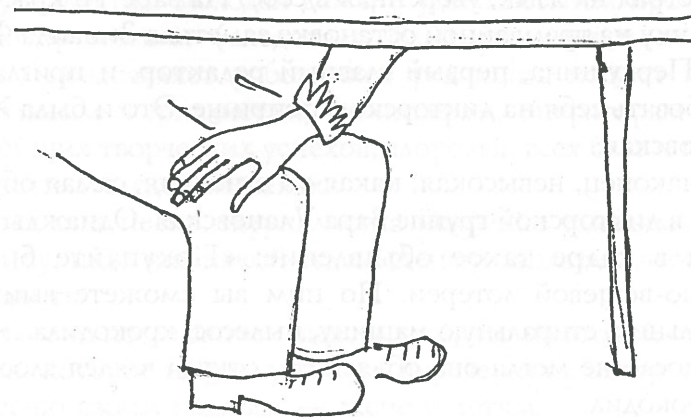
С тех пор телевизионщики шутили: «В мире есть два великих оратора: Фидель Кастро и Мигашко».

Непонятый жест

Журналист Неля Чекризова, практически всю телевизионную жизнь проработавшая в сельской редакции, пригласила на передачу большого чиновника, отвечавшего в крае за производство риса.

На беседу с ним отводилось определенное время, и Неля Николаевна, зная разговорчивость собеседника придумала такой ход (у каждого из нас на прямых эфирах были подобные ходы): «Когда надо будет заканчивать разговор, я под столом тихонечко дотронуся до вашего колена». Сказано — сделано. Дотрагивается. Никакого эффекта, речь льется как из рога изобилия. Снова дотрагивается, и так несколько раз. Наконец чиновник в сердцах восклицает: «Что ты меня по коленке гладишь все время? Ведь жена моя смотрит, что подумает?»

В эфире дикторы

Дикторы ТВ пользовались в те годы, наверное, не меньшей популярностью, чем сегодняшние поп-звезды. Для них открывались все двери, их называли только ласкательными именами: Элочка, Женечка... Каждый зритель имел свою любимицу.

В то же время их самих популярность порой тяготила. «Ведь мы даже за хлебом не можем выскочить без прически, нельзя зрителей разочаровывать», — говорили они. Мне кажется, самые красивые, очаровательные девочки-дикторы работали на нашем ТВ. Они были удивительно разные. Кареглазая, улыбчивая Неля Маркидонова. Ее смуглые щеки переходили на скулах в нежный румянец. Жаль, цветное ТВ не появилось в те времена. В жизни Неля была красивей и притягательнее, чем на телеэкране. Не случайно именно она стала первым космическим диктором.

Черноокая красавица Эля Куценко, спокойная, мягкая, бесконечно милая. Увы, от тяжелой болезни она совсем молодой ушла из жизни.

Круглолицая, какая-то солнечная изнутри Женя Симановская, острая на язык, уверенная в себе. На заре ТВ красивую блондинку на трамвайной остановке заметила Зинаида Федоровна Первушина, первый главный редактор, и пригласила попробовать себя на дикторском поприще. Это и была Женя Симановская.

И, наконец, невысокая, какая-то огненная, самая образованная в дикторской группе Зара Улановская. Однажды Зара прочла в кадре такое объявление: «Покупайте билеты денежно-вещевой лотереи. По ним вы сможете выиграть холодильник, стиральную машину, пылесос, крокодила...» Никогда после не могла она объяснить, откуда взялся злосчастный крокодил.

А диктор другого, молодого поколения, назовем ее Лена, однажды в прямом эфире вела передачу, всегда любимую

зрителями, — «По вашим письмам». То бишь концерт по заявкам. Проникновенным голосом читала она письма, предлагала послушать любимые мелодии. Наконец пожелав телезрителям всего хорошего и еще более проникновенным голосом попрощавшись с ними, увидев, что погас глазок камеры, откинулась на спинку стула и, решив, что микрофон выключен, буднично устало изрекла: «Господи, как мне осточертело читать всю эту дурь». Естественно, последняя эта фраза четко прозвучала в эфире.

В перестроечные времена, когда ТВ само начало зарабатывать деньги, одной из первых коммерческих программ стала «Примите поздравления», по существу тот же концерт по заявкам, но теперь уже Пугачева или Газманов пели для тети Маши за деньги, которые заплатил дядя Вася. Поскольку наступили вольные времена, лихие журналисты не утруждали себя переписывать тексты начисто (ведь цензура-то перестала существовать), а брали на видеозапись заранее отобранные и отсортированные письма. И опять же проникновенными голосами зачитывали очередное поздравление и соответственно музыкальную заявку.

Журналистка, молодая дама, с удовольствием прочитала, как автор письма (следовали фамилия, имя и отчество автора) поздравляет работников редакции, желает многострадальным журналистам, режиссерам, операторам и т.д. дальнейших творческих успехов, здоровья, всех благ и просит исполнить... следовала заявка.

Пока шла песня, журналистка искренне удивлялась:

— Ну, надо же, какой чудак! Деньги заплатил, чтобы нас поздравить.

И только после записи выяснилось, что на второй стороне письма, которое не удосужились перевернуть, автор адресовал песню своим родным — жене и детям.

А это я не писал!

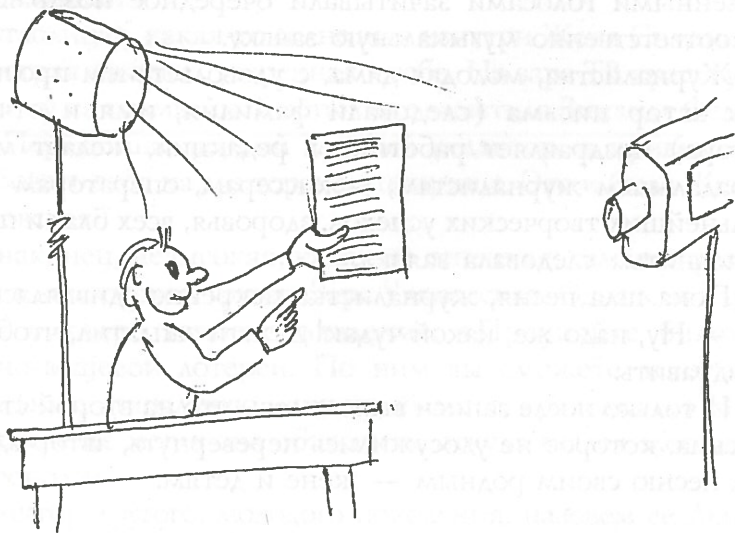
В информационную программу «Автограф дня» был приглашен лесоруб, назовем его Николаев. Из далекого лесхоза приехал огромный человек, смущавшийся своих больших рук, своего негородского вида. Ему повязали галстук, пригладили непослушные жесткие волосы. В руки, естественно, дали текст его выступления, напечатанный на отдельном листке и завизированный красным цензорским карандашом. В кадре произошло следующее.

Диктор: «Сегодня у нас в гостях победитель социалистического соревнования из леспромхоза N лесоруб Николаев. Пожалуйста».

Николаев, читая внятно и медленно, всё, что написано на его листочке: «21 марта. Автограф дня. Выступление лесоруба Николаева. (Пауза). Моё то есть».

Прочел ещё несколько строчек, задумался на мгновение и сказал:

— А это я не писал.

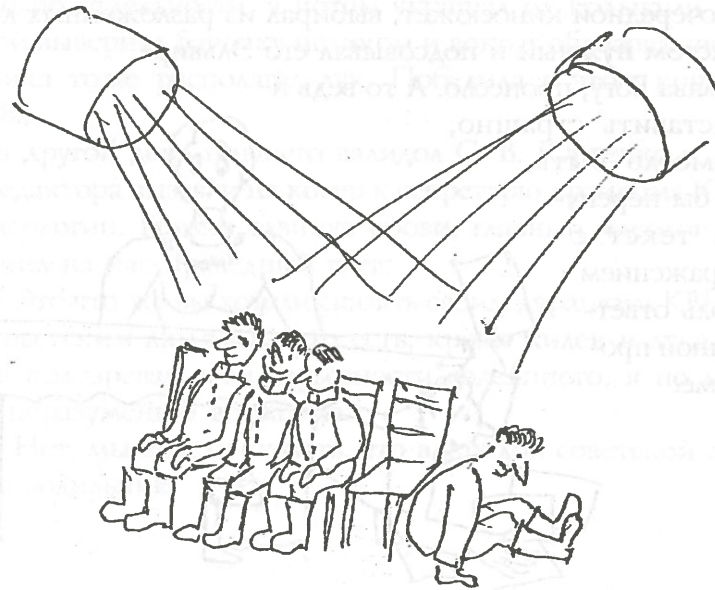

На Даманском было легче

Летом 1969 года произошли трагические события на острове Даманском, когда в завязавшемся бою погибли несколько наших пограничников.

Жарким летним днем на молодежную передачу мы пригласили несколько солдат-пограничников, участников боя. Их летняя форма была ужасающей: тяжелые сапоги, застегивающийся на крючки тугой ворот плотной зеленой гимнастерки. При жуткой жаре на улице студийный павильон с тогдашним освещением напоминал раскаленную пустыню Сахару. Во время эфира, благо, камера была нацелена в этот момент в другую сторону, солдата хватил тепловой удар. Он медленно сполз со стула и упал без сознания. Когда передача закончилась, пришедший в себя пограничник в сердцах бросил:

— Ну вас к чёрту с вашим телевидением, на Даманском было легче!

Выборы

В середине 60-х годов в стране проходили очередные выборы. В то время им придавалось огромное политическое значение. А уж для ТВ это было главное идеологическое мероприятие. С раннего утра на избирательных участках края работали кинооператоры и журналисты. Сломая голову неслись в родную редакцию, чтобы проявить пленку, смонтировать и успеть полностью приготовить ее для прямого эфира. Готовый киноклип, на котором все сюжеты были склеены воедино, предоставили режиссеру. Тем временем журналисты писали идеологически выдержанные парадные тексты. И когда до эфира оставались считанные минуты, выяснилось, что склеили сюжеты, перепутав весь порядок.

В кадре зрители увидели милую и торжественную Эльвиру Куценко, которая рассказывала о выборах и за кадром обчитывала киносюжеты. Все чин чинном.

Зрители, естественно, не видели, что под столом сидел режиссер Владимир Патрушев, который лихорадочно, пока шел очередной киносюжет, выбирал из разложенных листов с текстом нужный и подсовывал его Эльвире.

Слава Богу, пронесло. А то ведь и представить страшно, что могло быть, если бы перепутали текст с изображением в столь ответственной программе.

Что вы хотели сказать своим дурацким КВНом?

Больше всего волнений доставлял КВН. Бесшабашные студенты, войдя в раж, могли сказать в строгое подцензурное время что угодно. Во всяком случае, замечательный руководитель Приморского ТВ и радио мудрый, как Будда, Семен Владимирович Юрченко говорил, что во время КВНа он сидит перед телевизором с валидолом. И то правда, чего только в эфире не случалось. Когда сломалась радиолка, мы в жюри тут же, не растерявшись, предложили: «Та команда, которая быстрее починит, получит лишнее очко». Починили быстро.

Однажды мы в числе прочих придумали шуточный конкурс. Вызвали по одному юноше от каждой команды. Ведущая-красавица Неля Маркидонова объявила: «К вам домой неожиданно пришли гости. И в вашем холодильнике, к сожалению, есть только консервная баночка килек и луковица. Пожалуйста, покрасивей приготовьте это блюдо».

Работа закипела. Один юноша выкладывал на тарелку рыбки по отдельности, а потом украшал их кольцами лука. Другой вывернул баночку целиком и вокруг образовавшегося столбика тоже располагал лук. Победила в этом конкурсе дружба.

На другой день пившего валидол С. В. Юрченко и меня как редактора вызвали на ковер к секретарю крайкома КПСС по идеологии. Грозно сдвинув брови, главный идеолог края обрушил на нас праведный гнев:

— Это что же вы хотели сказать своим дурацким КВНом? Что советским людям нечего есть, кроме килек и лука?

Не подозревая всей серьезности содеянного, я по молодому неразумению возразила:

— Нет, мы хотели сказать, что в каждой советской семье есть холодильник.

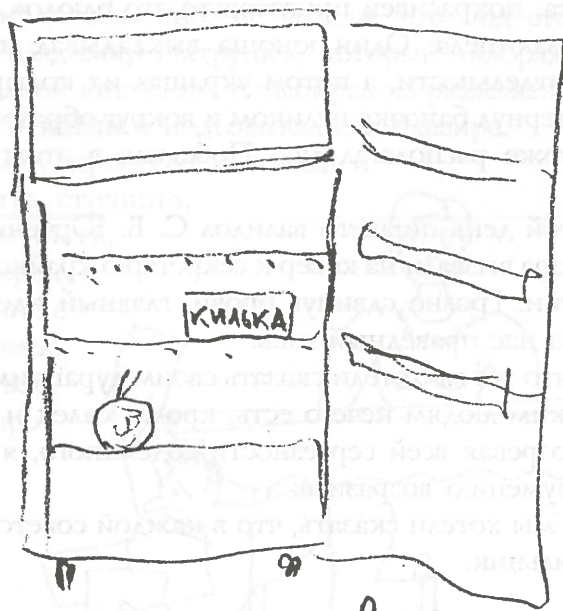
Меня, как какую-то мелочь, идеологический секретарь не удостоил даже взглядом. А наш обожаемый Семен Владимирович сидел, как провинившийся школьник, и ему досталось по полной программе.

Впрочем, идеологическую диверсию могли приписать куда более безобидному деянию.

В студийном павильоне — ребятишки из детского сада. По заданию рисуют праздничную демонстрацию. А потом комментируют собственные творения. У маленькой девочки спрашивают, почему у нее флаг зеленого цвета. Юная художница спокойно отвечает:

— А у меня просто краски другой нет.

Подобный ответ соответствующим органам показался абсолютно кощунственным и приравнялся чуть ли ни к диссидентству.

Нечего чужого мужа соблазнять

Строительство Лучегорской ГРЭС в крае было объявлено ударной комсомольской стройкой, и молодежная редакция ТВ взяла над стройкой шефство.

Мы с оператором оказались в числе первых. До обеда снимали какую-то комсомольско-молодежную бригаду, бригадир которой вместе с женой приехал на Дальний Восток с Запада. На обед он пригласил меня к себе. Жили первостроители в вагончиках. Я справедливо решила, что надо посмотреть на героя в нерабочей обстановке, да и за тарелкой супа проще говорить неофициальным языком, и легко согласилась.

Весело болтая, трапезничали, когда с шумом распахнулась дверь, ворвалась крепкая молодуха и накинулась на меня чуть ли не с кулаками:

— Ишь приехала городская... Это мой муж, и нечего тут его разговорами соблазнять!

И дальше в том же духе. Долго я урезонивала ревнивицу, показывала ей фотографии собственного мужа и сына, пока она не успокоилась. Чай мы пили вместе и смеялись тоже вместе.

Я потом много раз приезжала на стройку, слава Богу, подобных инцидентов больше не было.

Бдительный телезритель

В конце 80-х годов в Москве прошел очередной съезд комсомола. Вернувшуюся приморскую делегацию, естественно, пригласили на молодежную передачу. Восторженные комсомольцы с неподдельным энтузиазмом рассказывали о великом событии в своей жизни. Передача без всяких неожиданностей подошла к концу.

Зрители всех времен знают, что после передачи идут титры с фамилиями создателей программы. Так и здесь. Журналист, милая и очаровательная Оля Мальцева, попросила комсомольцев не подниматься сразу по окончании, а продолжать сидеть и просто разговаривать, естественно, с выключенными микрофонами, чтобы на этом фоне режиссер смогла дать титры. И так, все сидят и болтают, один из присутствующих рассказывает остроумный анекдот. Все весело смеются. Титры заканчиваются. Распрощавшись, молодые гости покидают студию.

А через несколько дней руководство ТВ получило письмо примерно такого содержания: «Когда весь советский народ следил за работой комсомольского форума, на котором были приняты мобилизующие молодежь страны решения, в вашей передаче участники комсомольского съезда позволили себе дешевое зубоскальство, рассказав анекдот...» И дальше шел точно пересказанный анекдот, который бдительный зритель прочел по беззвучным губам!

Ну, озверел!

Главным режиссером ТВ работал в те годы добрейшей души человек, истинный интеллигент, который готов был сам извиняться за чужие прегрешения, — Юрий Петрович Летягин.

Днём на ТВ приехали артисты гастролирующего цирка. Среди них и дрессировщик медведей со своим питомцем. Их поместили на время репетиции и записи передачи в кабинете Летягина.

Ничего не подозревающая помощник режиссера, совершившая какой-то проступок, шла, что называется, на ковер к Юрию Петровичу. Как только она приблизилась к двери кабинета и взялась за ручку, чтобы открыть ее, раздался жуткий рык хищника. Присев от страха, провинившаяся девица еле вымолвила:

— Ну, озверел!

Не посрадим чести Приморского ТВ!

О взаимоотношениях цирка и ТВ вообще можно писать отдельно.

Детская редакция заранее заказала ПТС — телевизионная передвижку, которая утром должна выехать на запись цирковой передачи. А ночью на город обрушился снежный циклон. Улицы превратились в каток, и всем стало с утра ясно, что нечего мечтать о том, что огромные маломаневренные автобусы ПТС преодолеют многочисленные обледеневшие сопки.

Тем временем выглянуло солнце, все начало таять, побежали ручьи, и договорились, что в полдень ПТС приедет в цирк.

Редактор Ольга Мальцева и режиссер Роза Салюк с утра у манежа, репетируют предстоящую запись. Все готово, а долгожданных автобусов нет как нет. Артисты нервничают, собираются расходиться, чтобы успеть отдохнуть перед вечерним представлением. Надо как-то спасать положение: за холостой выезд ПТС по головке не погладят. И тогда азартная Роза Салюк в отчаянии кричит:

— А слабо нам прокатиться на лошади!

Артисты замирают. Подводят цирковую красавицу-лошадь. Розе пристегивают лонжу. Спортивная Роза, в брючках, тоненьком свитере, лихо впархивает на лошадь, уверенно натягивает поводья и легко преодолевает несколько кругов по манежу. Аплодисменты артистов. Автобусов нет.

— А теперь, Оля, давай ты! Не посрами чести Приморского телевидения!

Ждущая записи Оля в прелестном бархатном костюмчике никак не готова к подобной эскападе. Но и впрямь — нельзя же посрамить чести родного телевидения.

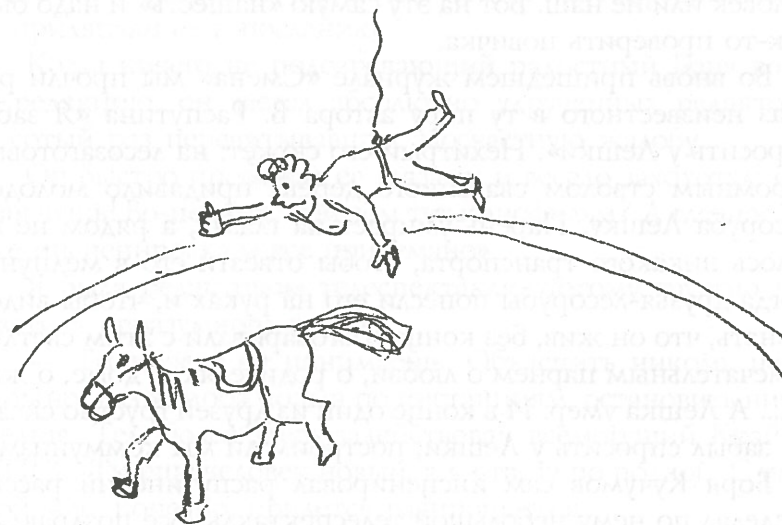
Чтобы не пострадал нарядный, предназначенный для эфира костюмчик, Ольгу обряжают за кулисами в нелепые, выдавшие виды клоунские штаны немислимой величины,

на ноги вместо изящных туфель 35 размера надевают огромные клоунские ботинки с загнутыми носами.

Артисты, явно заинтересовавшись происходящим, плотно улыбаясь, рассаживаются вокруг манежа. К Ольгиной спине прицепляется спасительная лонжа. Никогда до этого не имевшая дела с лошадьми, она водворяется на спине испугавшегося ее нелепого вида несчастного животного, вцепляясь от страха в его роскошную гриву.

«Ап!» — раздается команда дрессировщика, и лошадь, привычно набирая скорость, начинает преодолевать круги по манежу. Набираемая скорость прямо пропорциональна силе, с которой Ольга стискивает гриву ни в чем не повинного скакуна. Почуввав неладное, дрессировщик снова произносит спасительное «Ап!», лошадь делает рывок перед остановкой. Ольга повисает, как растопыренный краб, на лонже, плавно опускается в опилки, и к этой точке бегут артисты, режиссер Роза, дрессированные звонко лающие собачки.

А во двор цирка тем временем въезжает долгожданная ПТС.

Наш человек

Почти все мы, работавшие на ТВ, были молоды, как и само телевидение. Энергия била через край, и практически каждый день мы кого-нибудь разыгрывали (как, впрочем, и нас). Иногда розыгрыши заканчивались в кабинете тогдашнего руководителя ТВ Владимира Петровича Бусыгина, мягкого человека, боявшегося всего на свете. Он становился чрезвычайно серьезным и, насупившись, отчитывал нас, молодых и ничего не боящихся.

— Эту бы вашу энергию и выдумку да на новые передачи.

Мы, потупившись, виновато соглашались, а назавтра все повторялось заново.

К нам в молодежную редакцию, коллектив дружный и сработавшийся, пришел новый, тогда совсем юный режиссер Борис Кучумов, человек необычайно творческий и необычайно горячий. Естественно, мы не знали тогда, что он за фрукт, можно ли ему во всем доверять.

Я всю жизнь людей делю на две основных категории: наш человек или не наш. Вот на эту самую «нашесть» и надо было как-то проверить новичка.

Во вновь пришедшем журнале «Смена» мы прочли рассказ неизвестного в ту пору автора В. Распутина «Я забыл спросить у Лешки». Нехитрый его сюжет: на лесозаготовках огромным стволем сваленного дерева придавило молодого лесоруба Лешку. Парень умирает на глазах, а рядом не нашлось никакого транспорта, чтобы отвезти его в медпункт. Тогда друзья-лесорубы понесли его на руках и, чтобы видеть и знать, что он жив, без конца разговаривали с этим светлым замечательным парнем о любви, о родителях, о доме, о жизни... А Лешка умер. И в конце один из друзей грустно сказал: «Я забыл спросить у Лешки, построим ли мы коммунизм...»

Боря Кучумов сам инсценировал распутинский рассказ и сделал по нему небольшой телеспектакль. Все поздравляли

нового режиссера с победой. Мы же через несколько дней приступили к нашей авантюре.

Отпечатали на машинке письмо и вложили в конверт второй экземпляр, полученный после копирки. В правом углу бумаги грозно красовались три адреса: Крайком КПСС, редакция газеты «Лесная промышленность» (до сих пор не знаю, существовало ли такое издание), копия — Приморское телевидение. И дальше в лучших языковых традициях отечественного канцелярита описали душераздирающую историю о том, что в таком-то леспромхозе действительно в результате несчастного случая (падения дерева диаметром 0,75 метра и высотой 3,6 метра) погиб вальщик (следовала фамилия). Но на самом деле администрация немедленно выделила надлежащий транспорт, и вины ее в случившемся нет. На Владивостокском же телевидении в кинофильме грубо исказили факты, и виновных просят наказать. Дальше следовали подписи так называемого треугольника: руководителя леспромхоза, секретаря партийной организации и председателя местного комитета. Из чего-то мы соорудили печать и приляпали ее к посланию.

Когда ничего не подозревающий радостный Боря вошел в редакцию, он застал абсолютно удрученных редакторш, в сотый раз перечитывавших злосчастную жалобу.

Он быстро пробежал ее глазами и весело захохотал: «Какая чушь! Во-первых, при чем тут кинофильм? А главное, это же инсценировка и все придумано».

Я была редактором телеспектакля, потому грустно просветила неразумного творца:

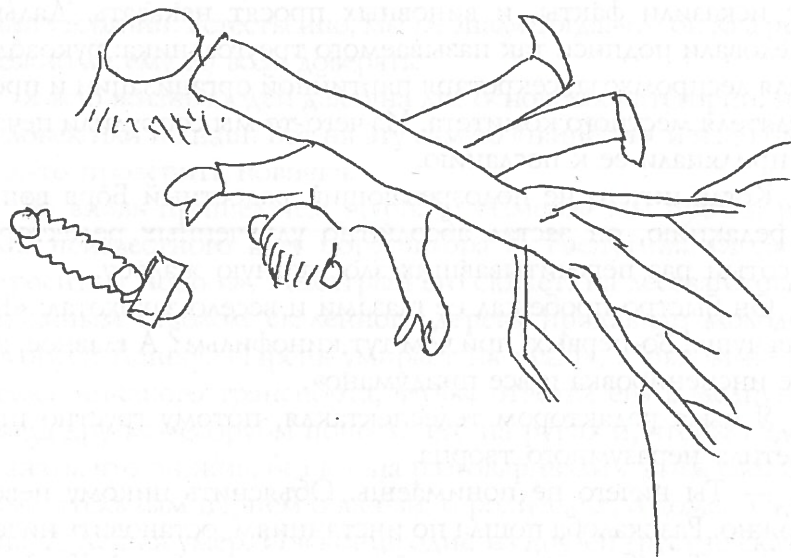
— Ты ничего не понимаешь. Объяснить никому невозможно. Раз жалоба пошла по инстанциям, остановить ничего нельзя. Тем более здесь задействован всемогущий Крайком КПСС. Ты еще человек новый, а я отвечу по полной. С работой мне, конечно, придется распрощаться.

Кучумов бледнел на наших глазах, губы сузились в ниточку (так всегда с ним было в гневе):

— Нет уж. Я это все затеял, один и ответчу. Не подставляю же я женщину. Сиди и не рыпайся, а я пошел в Крайком.

И когда решительным шагом он двинулся из редакции, мы облегченно засмеялись и радостно вернули его.

Он оказался самым «нашим», и дружили мы с ним много лет, позже вместе оказались в литературно-драматической редакции и почти одновременно пошли на повышение: я стала главным редактором, а незабвенный Боря Кучумов — главным режиссером.

Спасибо Лапузину!

Я уже говорила, что Борис был необыкновенно горячим и несдержанным на слова. При этом оставался верным и преданным другом.

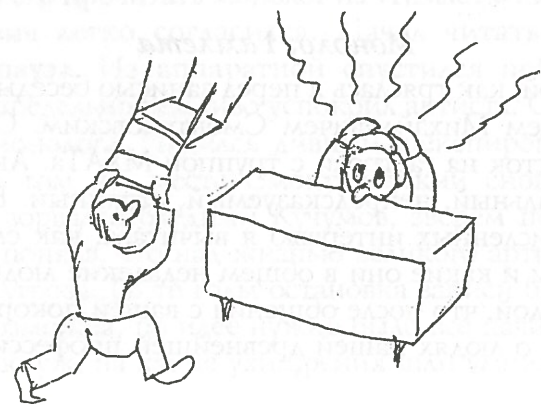
Однажды я как редактор выписывала гонорар актеру Н. за большую и сложную работу, выписывала по максимуму. Борис настаивал, чтобы я оплатила эту работу еще выше. Я возражала, что бухгалтерия выше возможного по так называемому ценнику не оплатит. Слово за слово, Кучумов побледнел, губы сузились в ниточку, не помня себя, он схватил стул и кинулся на меня с воплем: «Я тебя убью!». И тогда наперерез ему бросился редактор Борис Лапузин, известный приморский поэт, с которым мы тогда работали в одной литературной редакции.

Прошли годы... Когда мой замечательный друг Боря Кучумов заболел тяжело и мучительно, я как-то принесла к нему в больницу любимое им заливное из красноперки. На другой день он встретил меня в больничном коридоре широкими объятиями:

— Спасибо Лапузину!

— ?

— Он не дал мне убить тебя когда-то, и ты меня накормила заливным.

«Пригорки-ручейки» литдрамы

В литературной редакции, как говаривал незабвенный Иван Александрович Хлестаков, были свои «пригорки-ручейки». Мы с Кучумовым делали практически три-четыре раза в год большие телепостановки, показывали спектакли театров края и, конечно, много работали с приезжающими на Дальний Восток гастролерами. Старожилы помнят, как каждое лето во Владивосток прибывали на гастроли лучшие театры страны в полном составе с большим репертуаром. Длились гастрольные спектакли в течение месяца. Из известных коллективов у нас, пожалуй, не выступали лишь любимовская Таганка да БДТ под руководством Товстоногова.

Я как-то записала известных деятелей культуры (режиссеров, актеров, писателей), у которых мне довелось брать часовые интервью (был такой цикл «Наши гости»), — их набралось около ста.

Поначалу эти беседы живьем шли в эфир, позже их начали записывать, естественно, без монтажа. Волновалась я перед каждой такой беседой отчаянно и по несколько дней к ней готовилась. Ведь спасительного интернета в то время мы не знали, и неоткуда было «скачать» информацию. Старалась узнать все о госте, чтобы придумать интересные вопросы, чтобы как можно полнее и ярче раскрыть человека.

Монолог Гамлета

Боже мой, как тряслась я перед записью беседы с великим Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Он приехал во Владивосток на гастроли с труппой МХАТа. Актер номер один, гениальный, непредсказуемый, странный. В одном из его многочисленных интервью я вычитала, как ему надоели журналисты и какие они в общем недалекие люди. Не льщу себя надеждой, что после общения с вашей покорной служгой его мнение о людях нашей древнейшей профессии измени-

лось, но можно понять какого страха натерпелась я после того, как это прочитала.

Все готово к записи. Освещено небольшое пространство: столик и за ним мы с Иннокентием Михайловичем. В темноте огромного студийного павильона практически все свободные сотрудники ТВ и радио пришли посмотреть на живую легенду.

Начинаем запись с фрагмента из широкоизвестного фильма «Москва слезам не верит»: Московский кинофестиваль, восторженные поклонницы кидаются к тогдашним звездам Т. Конюховой, Г. Юматову. Натыкаются на молодого человека, который скромно говорит: «Меня вы не знаете, я Смоктуновский». Эпизод заканчивается.

Я: Иннокентий Михайлович, сегодня в это просто трудно поверить.

Смоктуновский: Что вы, именно так все и начиналось. Но прежде я расскажу, как снимали этот эпизод. Ведь я был уже в возрасте, а на экране Смоктуновский молодой неизвестный артист. Так вот эпизод длится около минуты, а на грим ушло несколько часов, так долго делали на лице подтяжки.

Разговор шел довольно легко, Иннокентий Михайлович оказался чудным собеседником, мы вспоминали многие роли и, естественно, киношного Гамлета. И тогда я, осмелев, попросила его прочитать монолог из «Гамлета». Иннокентий Михайлович легко согласился. Начал читать и... забыл. Повисла пауза. Из аппаратной спустился побледневший Кучумов, предельно вежливо успокоил артиста. Снова запись с начала монолога. Полился дивный шекспировский текст, и точно в том же месте Смоктуновский снова замолчал. В студию ворвался бледный Кучумов, зверем посмотрел на меня, и я поняла, что над жизнью великого артиста нависла страшная угроза. (В те годы остановка записи была практически невозможна, по идее нужно было все начинать с начала. Не знаю уж, на какие ухищрения шли умницы-техники,

чтобы сделать невидимые склейки, тем более дважды в одном и том же месте). Не могу представить, какими нечеловеческими усилиями Кучумов выдавил из себя ангельскую улыбку и медоточивым голосом попросил Иннокентия Михайловича не волноваться. И тогда Смоктуновский сказал: «Пожалуйста, не включайте видеозапись, я прочту монолог для тех, кто в студии, а потом продолжим съемку».

И прочел, да так, что все невольно зааплодировали. А потом мы продолжили разговор и видеозапись. Конечно, именно этот эпизод с прочитанным для незнакомых людей монологом был самым интересным и ярким, он мог бы стать украшением передачи, но, увы, он не был снят и так и остался только в памяти присутствовавших в студийном павильоне...

Передача вышла в эфир. Вскоре после этого я стояла в очереди за помидорами. Когда оказалась возле возделенного прилавка, продавщица вдруг неожиданно стала спрашивать меня о Смоктуновском. Я с удовольствием отвечала на ее вопросы, пока она взвешивала товар. А сама грешным делом думала: «Вот оно, бремя славы...» Пришла гордая домой, раскрыла сумку и увидела, что почти все купленные мной помидоры — гнилые. Гордыня была наказана.

Страсти по Матвееву

В начале 80-х годов большой популярностью, особенно у женщин, пользовался хороший артист, красивый мужчина Евгений Матвеев. Он приехал на премьеру своего фильма на пару дней во Владивосток. Я же считала делом чести пригласить знаменитого гостя в студию во что бы то ни стало. Поскольку время пребывания во Владивостоке было расписано по минутам, я утром поехала встречать Евгения Семеновича в аэропорт, чтобы договориться с ним по дороге в город о предстоящей передаче.

Прямой эфир должен быть на следующий вечер, за несколько часов до отлёта. Срочно даем информацию в газетный номер, о телевизионной встрече с Е. Матвеевым объявляет диктор.

Я готовлюсь к беседе. По договоренности должна забрать его буквально за полчаса до эфира из кинотеатра «Искра» на Моргородке, где он представлял свой фильм.

Обычно в жизни я не крашусь, но свет, камера требуют особого грима. У меня на лице тон, густой слой туши на ресницах, тени на веках и т.д. В таком виде на «Волге» руководителя ТВ отправляюсь за Евгением Семеновичем. Времени в обрез, надо приехать на студию и почти сразу в кадр.

Вхожу в кабинет директора кинотеатра, там все сотрудники «Искры», легкий фуршет, актер приносит свои извинения, говорит, что его ждут на ТВ, мы выходим на крыльцо кинотеатра. И вдруг следом за нами выпархивает ярко накрашенная блондинка, буквально повисает на руке Матвеева и горячо щебечет:

— Женя, брось эту бабу. Поехали ко мне. Муж в море, стол накрыт, а утром я тебя отвезу в аэропорт.

У меня шок. Я хватаю артиста за другую руку и, понимая, что мои шансы явно меньше — жаркая студия, работа в прямом эфире, напряжение и т.д., — начинаю робко лепетать:

— Евгений Семенович, ну как же... Телезрители... Вас ждут... Вот машина... Что же делать?..

Можете себе представить, какую увлекательную картину чудным летним вечером наблюдали многочисленные прохожие: накрашенные блондинка и брюнетка в разные стороны тянут популярного артиста.

Поняв всю комичность ситуации, Матвеев отправляет меня в машину. В машине у меня градом льются из накрашенных глаз черные слезы. Почти сразу же распаивается дверца, рядом со мной на сиденье оказывается Матвеев, спокойно и рассудительно попрекает:

— Ну, как вы могли подумать? Поехали на ваше телевидение.

...Передача в прямом эфире шла как по маслу. В те годы не было понятия интерактива, то есть обратной связи, никто не отвечал напрямую на вопросы телезрителей.

Но произошло непредвиденное. В тот момент, когда в эфир шел фрагмент из матвеевского фильма «Родная кровь», в студию вбежала редактор выпуска с записками в руке. Оказывается, пока шел наш разговор, начали звонить телезритители, и первая их фраза звучала одинаково: «Пусть она спросит», а дальше шли бесконечные и очень интересные вопросы. Мне оставалось только озвучить их, назвав фамилии авторов.

Тогда это стало изюминкой передачи.

Как принято говорить, усталые, но довольные по окончании эфира заходим в кабинет Ирины Владимировны Стрельниковой, тогдашнего руководителя ТВ, очаровательной женщины, умного и тонкого человека. Накрыт скромный стол (лучшие запасы принесли из домашних холодильников), разбавляем водку родным «Уссурийским бальзамом». Напряженье эфира спало, выпиваем, смеемся, рассказываем разные байки. Ясное дело, больше слушаем именитого гостя. Он сетует, что не расспросила я его о личной жизни. (По-

верьте, в те советские времена это было строго-настрого запрещено), с удовольствием показывает фотографии любимой, единственной на всю жизнь жены, взрослой дочери.

Актёр сам вышел на весьма скользкую в те годы дорожку — как он снимался в роли генсека Л. И. Брежнева. Это было в нашумевшем озеровском фильме-эпопее о Великой Отечественной войне. Матвеев попросил, чтобы ему дали возможность лично увидеть своего героя. Актеру надо знать, как ведет себя персонаж в повседневной жизни, ведь герой-то живой...

После долгих согласований Евгения Семеновича пригласили в Кремль. Он сидел в уголке, когда Брежнев проводил заседание политбюро. Людям старшего поколения памятно, что наш генсек был далеко не Цицероном. Сегодня только ленивый не изобразил на эстраде его заплетающуюся, невнятную кашу во рту.

Матвеев спросил у Озерова: «Как играть Брежнева: речь ясная, интеллигентная или “сиськи-масиськи”?» (примерно так главный партией страны произносил слово «систематически»). Озеров ненадолго задумался и с мудростью, присущей великим философам, изрек: «Евгений Семенович, вы такой большой мастер. Как вам подскажет актерская интуиция, так и разговаривайте».

Интуиция подсказала говорить идеально...

А вы бы помолчали

Что уж скрывать — наверное, как и большинство женщин страны, я была очарована красавцем Вячеславом Тихоновым. В моем кабинете прямо напротив стола висел огромный портрет любимца.

И вот под портретом сидит Георгий Полонский, автор сценария нашумевшего фильма «Доживем до понедельника», где неподражаемый Тихонов сыграл главную роль учителя истории Мельникова и где разыгрывается любовная история холостяка-учителя и его бывшей ученицы, а теперь юной коллеги.

Перед записью студийной беседы ведем с Полонским светский разговор.

И вот запись. Говорим о школьных проблемах, о его сценарных работах, наконец о фильме «Доживем до понедельника».

Я: Вы когда писали сценарий, подразумевали в главной роли Тихонова?

Полонский: Что вы, совсем нет. Ведь там для меня важна была не только школьная тема, но и любовная. Есть такая прекрасная драма Гауптмана «Перед заходом солнца», герои которой — очень пожилой мужчина и молодая девушка — полюбили друг друга, а окружающие, естественно, осуждают эту любовь. Вот нечто подобное мне виделось и в фильме. А Тихонову во время съемок исполнилось 40 лет, он был хорош собой, героине Печерниковой — юной учительнице — за 20. Какая уж тут драма и какой заход солнца? Эта тема просто-напросто из картины ушла, и вообще не очень понятно, отчего мучаются и страдают двое красивых молодых людей. Потому роль учителя я писал... на Бориса Бабочкина.

Надеюсь, что тогда в эфире не показали мое лицо — я пережила настоящий шок. Для незнающих: Бабочкин — это замечательный русский актер, прославившийся в 30-х годах

киноролью Чапаева. То есть в момент съемок «Понедельника» он был, мягко говоря, уже очень пожилым человеком.

Передача закончилась. Мы с Г. Полонским выходим из студийного павильона, и я, так и не пережившая потрясения, говорю:

— Ну, уж с Бабочкиным Вы погорячились. В Тихонова вся страна после фильма влюбилась.

— Конечно. Но вы бы помолчали. Я как в ваш кабинет зашел, так мне все ясно стало...

Несостоявшееся интервью

И еще одна история, связанная с моим любимцем. Я всегда говорила, что не сумела бы написать о нем как об актере, не провела бы с ним интервью. Наверное, он магически действовал на меня как мужчина.

В один прекрасный день в начале 80-х годов вызывает меня к себе тогдашний руководитель комитета Валентин Александрович Ткачев. Был он суров и требователен, неожиданного вызова в его кабинет мы побаивались.

— Садись, а то упадешь, — говорит мне Валентин Александрович. — Через два дня во Владивостоке будет твой обожаемый Тихонов. Готовься к интервью.

(Надо ли объяснять, что я в этот момент пережила).

— Дело в том, что в Японию едет большая делегация советских профсоюзов, Тихонов — член делегации. Из разных концов страны все собираются в Хабаровске, из Хабаровска поездом прибывают во Владивосток, а через несколько часов из Владивостока отправляются морем в Японию. Вот за эти часы нам и надо управиться: привозим его прямо с вокзала в студию, записываем интервью и отвозим на судно.

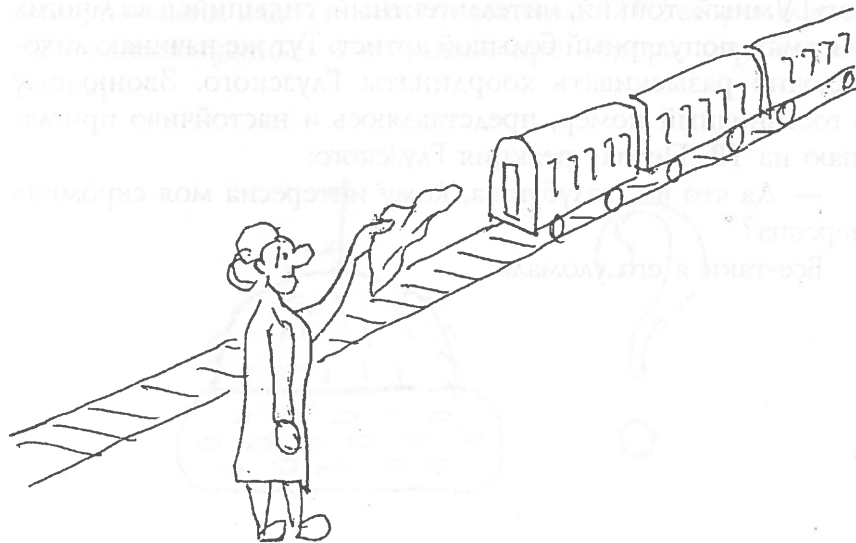
Да уж, распланировано все идеально. На два дня ухожу в глубокое подполье — готовлюсь к интервью.

Наступает воскресное утро, когда из Хабаровска должен поезд прибыть во Владивосток. Встречать главного героя страны Штирлица поехали мы с Валентином Александровичем Ткачевым. Все сотрудники ТВ в свой выходной дружно пришли с цветами на работу поприветствовать любимого артиста. На перроне вокзала — партийная, советская, профсоюзная элита Владивостока, красавицы в кокошниках с хлебом-солью. Все чин чинном. Ткачев у меня спрашивает: «Как же мы его увидим, столько вагонов, толпа встречающих». Я на полном серьезе: «Валентин Александрович, сердце подскажет, где Тихонов».

И ведь не ошиблась. Под звуки бравурного марша медленно приближается состав. В открытых дверях вагонов улыбающиеся проводницы. Начинают выходить солидные пассажиры. И почти прямо на нас со ступенек вагона спускается мой кумир. На нем коричневый плащ, шляпа с небольшими полями, аккуратный синий кашемировый шарф. Умница Ткачев понимает, что у меня язык присох от волнения к гортани, и переговоры берет на себя. Решительно шагнув к Вячеславу Васильевичу, он объясняет, кто мы и откуда, и приглашает его вместе с нами отправиться на ТВ. Я, как китайский болванчик, только мотаю головой.

Тихонов, само воплощение любезности, объясняет, что он себе не принадлежит, он — член делегации, и за разрешением на его отлучку надо обратиться к руководителю делегации. Естественно, важный чиновник нам отказывает, не будучи при этом воплощением любезности.

Не солоно хлебавши, возвращаемся на ТВ, где нашу машину с цветами и улыбками встречает родной коллектив.

Кому интересна моя скромная персона?

Однажды сижу у себя в кабинете. Телефонный звонок.

— Это Галина Яковлевна?

— Да.

— С вами говорит артист N. (Этот молодой актер снялся в довольно приличном фильме, потом на многие годы исчез с экранов). Я знаю, что вы делаете передачи с артистами, могу быть вам полезен.

Это значит, он все разузнал, прежде чем позвонил. Я слегка теряюсь от такого непривычного напора, обычно сама разыскиваю и порой долго уговариваю гостя принять участие в передаче.

Благодарю N и, собравшись с мыслями, спрашиваю, по какому поводу он во Владивостоке. Он с удовольствием объясняет, что снимается здесь в новом фильме. Осмелев, интересуюсь, кто еще с ним в нашем городе на съемках. Он называет фамилии малоизвестных режиссера, оператора и говорит, что его партнер Михаил Глузский.

Замечательный Глузский! Как он сыграл в фильме «Монолог»! Умный, тонкий, интеллигентный, снявшийся во многих фильмах, популярный большой артист. Тут же начинаю лихорадочно разыскивать координаты Глузского. Звоню ему в гостиничный номер, представляюсь и настойчиво приглашаю на ТВ. Первая реакция Глузского:

— Да что вы, голубушка, кому интересна моя скромная персона?

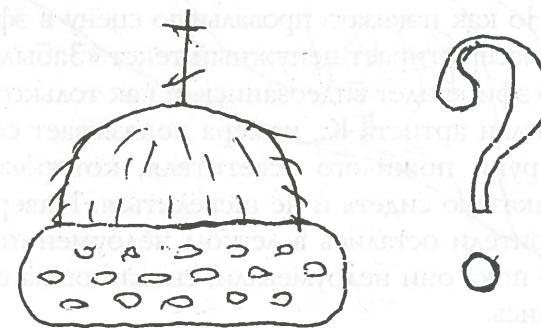
Все-таки я его уломала.

Я царь или не царь?

Жарким августом во Владивосток приехал на гастроли Ленинградский театр им. Комиссаржевской. Насколько я знаю, это был единственный в стране театр, который поставил историческую трилогию А. Толстого «Иван Грозный», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Три вечера подряд на сцене шли эти спектакли.

Уже всю действовала видеозапись, и мы договорились записать «Царя Федора». Днем на сцене театра им. Горького при пустом зрительном зале комиссаржевцы играли спектакль. Во дворе — автобусы ПТС, в зале — камеры, микрофоны, на сцене страдает и мучается царь, плетут интриги бояре.

Наконец доходит дело до знаменитого монолога Федора. «Я царь или не царь?» — вопрошает артист. «Стоп!» — раздается громкая команда. Оказывается, что-то важное сломалось на передвижном телевизионном пульте. Чинят. Актеры в боярских шубах, париках, приклеенных бородах изнывают от нашего влажного пекла. Время идет. Скоро вечерний спектакль, надо ставить оформление. ПТС сворачивается. Так непосвященные и не узнали про Федора, царь он или не царь.

Забыл...

Делаем собственный телеспектакль «Дальше тишина». Заняты актеры театра им. Горького. Долго и мучительно идут репетиции. Наступает день записи. На ТВ тогда был один павильон, из которого шло все вещание. Днем мы должны были полностью записать большой спектакль, затем монтировщики быстро убрали наше оформление и готовили павильон для вечернего вещания.

Повторюсь, запись только осваивалась, остановиться, сбиться было невозможно, иначе возникала необходимость начинать все с начала. Ясно, что времени на это не оставалось.

Перед самой записью я обратилась к господам актерам: «Милые, дорогие, соберитесь. Ошибиться нельзя. Это как живой спектакль на сцене со зрителями. Даже если что-то произойдет, вы же выкрутитесь, и зрители ничего не заметят. С Богом!»

Большой спектакль благополучно приближался к финалу. И за несколько минут до конца пожилой артист К. забывает текст. В кадре его лицо крупным планом. Мучительные раздумья, мы за пультом замерли, и вдруг он безнадежно машет рукой и обреченно говорит: «Забыл...». Остановить запись нельзя, режиссер истерически кричит в студию: «Продолжайте!». И тогда партнер артиста. К. произносит спасительную фразу: «Вы хотели сказать...» и далее по тексту. Спектакль был спасен. Но как показать провальную сцену в эфире?

Звукорежиссер стирает ненужный текст «Забыл» и «Продолжайте». В эфире идет видеозапись, и как только появляется крупный план артиста К., камера показывает сложенные на коленях руки пожилого осветителя, которому строго-настрого приказано сидеть и не шевелиться. Наверное, внимательные зрители остались в легком недоумении, при чем тут руки. Но пока они недоумевали, снова пошла спасительная видеозапись.

Ты скажи мне откровенно

И снова мы делаем собственный спектакль. На сей раз это замечательная поэма Александра Твардовского «Василий Теркин». Записывается сцена Теркина и деревенского старика, которого играет прекрасный артист Вадим Янович Мялк. Отсебятины стихотворный текст не терпит, а с памятью у Вадима Яновича были проблемы. Его герой, с хитрым прищуром глядя на Теркина, произносит: «Ты скажи мне откровенно...». Пауза. Явно забыл. Выкручивается: «Откровенно мне скажи». Снова забыл и, стараясь выдерживать стихотворный размер, продолжает: «Нет. Ты все-таки скажи». Партнер берёт на себя его текст: «С точки зрения военной?». Мялк радостно кивает.

Запись покатила дальше.

«Как Крот у Зайца штанишки украл...»

Раз в неделю по утрам руководители многочисленных редакций тогдашнего ТВ (пропаганды, экономики, сельского хозяйства, молодежной, кино, музыкальной и т.д.) собирались в кабинете руководства, чтобы спланировать передачи на следующую неделю. Каждая редакция заявляла собственные программы на определенные дни, концерты, документальные и художественные фильмы. Весьма ответственные дамы из отдела выпуска зачитывали вариант вёрстки (т.е. что за чем следует) каждого вечера. Детская редакция все пыталась начать вечернее вещание с мультфильма для самых маленьких «Как Крот у Зайца штанишки украл».

Программа на вечер:

— Для детей. «Как Крот у Зайца штанишки украл».

Передача «Народный контроль».

— Стоп! Какие штанишки? Все же смеяться будут. Нельзя же следом «Народный контроль».

— Хорошо. Переносим на завтра.

— «Как Крот у Зайца штанишки украл». «Ленинский университет миллионов».

— Стоп! Не монтируется с «Ленинским университетом».

Многострадальные «Штанишки» отправляются дальше.

— «Как Крот у Зайца...» «Ум, честь и совесть нашей эпохи. Навстречу партийному съезду».

— Вы что, с ума посходили? Красть навстречу съезду...

Видит Бог, не помню, увидели ли в результате приморские малыши ни в чем не повинный 10-минутный мультфильм или он так и не смог встать рядом с очередной пропагандистской суперсерьезной идеологической инъекцией.

Слово из трех букв

Главными идеологическими праздниками, к которым готовились чрезвычайно ответственно, были 1 Мая и 7 Ноября. В эти дни на центральной площади Владивостока проходили часовые демонстрации. И каждый раз ТВ транслировало в прямом эфире торжественное и в то же время несколько безалаберное прохождение колонн трудящихся мимо трибуны, с которой эти колонны приветствовало партийное и советское руководство. Над тысячами проходящих людей реяли знамена, в руках демонстранты несли цветы, портреты государственных деятелей, передовиков производства, многочисленные транспаранты. А ведущие журналисты ТВ радостными и торжественными голосами комментировали все это праздничное действо.

Основной костяк текста комментариев писался и утверждался заранее, но поскольку всего предвидеть было невозможно, то иногда допускалась импровизация (журналисты-то ведущие и многоопытные). Неслучайно по поводу импровизаций в ходу было присловье: сначала завизируй, потом импровизируй.

На сей раз работал действительно талантливый публицист, любивший в подобной ситуации прибегнуть к выпендренной, высокопарной метафоре.

Итак, в кадре появляется колонна. За кадром звучит приподнятый красивый баритон:

— На площадь влываются три буквы. Они образуют слово, без которого нет жизни на земле. Эти три буквы — мечта любой женщины, за них готов умереть настоящий мужчина. Вы, конечно, уже догадались, что слово из трех букв — МИР...

Операторы «откушали»

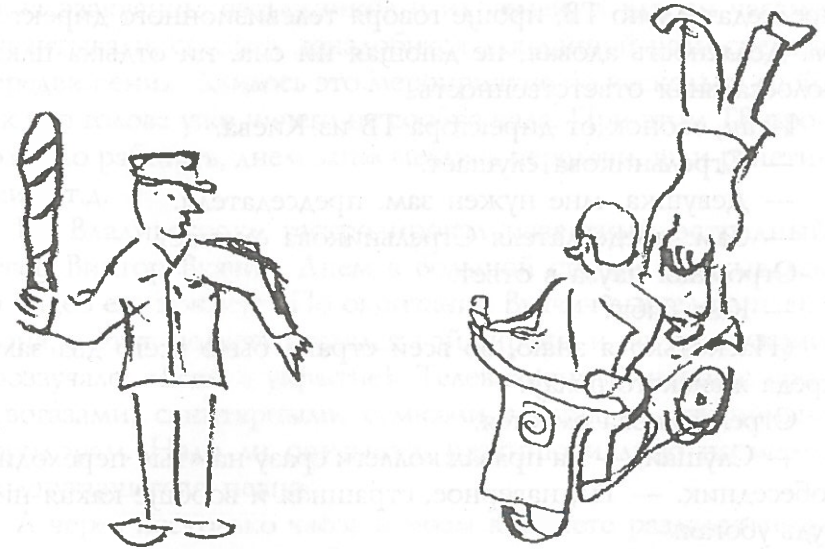
За много лет эта история обросла таким огромным количеством деталей, что сейчас просто невозможно представить, как оно все было на самом деле. Во всяком случае легенда известна каждому старожилу ТВ.

В 60-х годах чрезвычайной известностью не только в крае, но и в стране пользовалась китобойная флотилия «Советская Россия». Она уходила на многомесячный промысел в море. На обратном пути китобои, заработавшие за долгий рейс приличные деньги в валюте, заходили в иностранный порт, где достойно отоваривались и привозили в родной Владивосток такие вещи, которые в нашей небогатой ширпотребом стране были мало кому доступны. Как правило, перед приходом во Владивосток флотилия сутки или чуть больше стояла на рейде для оформления всяческих формальностей. Туда-то на рейд устремлялись многочисленные журналисты, операторы и прочие представители нашего славного цеха, чтобы срочно передать информацию, а заодно и получить маленькие презенты от вернувшихся из-за границы моряков.

А дальше начинается легенда. Два оператора Владивостокского ТВ приехали на мотороллере в порт, оттуда на рейдовом катере отправились к флотилии. Все, что нужно, чин по чину сняли. Потом китобои пригласили «откушать» невиданные заморские напитки. Знатно «приняв на грудь», один из операторов направился, извините, в туалет. А там висела в нежной сеточке большая незнакомая таблетка. Откуда было знать не бывавшему за рубежом телевизионщику, что это сильное средство для уничтожения запаха. Ничтоже сумняшеся, оператор закусил выпитое аппетитной таблеткой.

Тот же рейдовый катер доставил тружеников камеры на берег. Там один из них лихо сел за руль оставленного мотороллера, а второй на заднем сиденье начал выжимать стойку на руках. Через несколько метров, естественно, милиция остановила трюкачей, еле державшихся на ногах. А когда

к «акробату», пытавшемуся сделать стойку, поднесли специальную трубочку для определения степени алкоголя, прибор не зафиксировал ни малейшего запаха. Таблетка оказалась сверхэффективной...

Как, баба?

Владивосток готовился к Всесоюзному телефестивалю «Человек и море». Со всей страны съезжались делегации и привозили с собой телефильмы соответствующей тематики. Задолго до самого фестиваля начиналась огромная организационная работа.

В этот период раздался телефонный звонок в кабинете нашей Ирины Владимировны Стрельниковой — заместителя председателя по ТВ, проще говоря телевизионного директора. Должность адская, не дающая ни сна, ни отдыха плюс колоссальная ответственность.

Итак, звонок от директора ТВ из Киева.

— Стрельникова слушает.

— Девушка, мне нужен зам. председателя.

— Зам. председателя Стрельникова слушает.

Огромная пауза в ответ.

— Как, баба?

(Насколько я знаю, во всей стране было всего два зампреда женского пола).

Стрельникова смеется.

— Слушай, — на правах коллеги сразу на «ты» переходит собеседник. — Ты, наверное, страшная и вообще какая-нибудь убогая.

— Ну, что ж. При встрече выясним.

Остается добавить, что Ирина Владимировна Стрельникова была статной красивой блондинкой, в молодости она напоминала известную киноактрису Руфину Нифонтову, всегда отличалась строгой модной одеждой, дорогим макияжем и хорошей прической.

Вы в эпицентре ядерного взрыва

Как это ни покажется странным, но в 80-х годах чрезвычайно серьезно проводились в Комитете по телевидению и радиовещанию учения по гражданской обороне. По-моему, мы были какой-то базовой организацией, на нашем примере учились.

Я всегда была не в ладах с математикой, но почему-то именно мы с Ириной Владимировной Стрельниковой отвечали за эвакуацию сотрудников и их семей, и вдвоем часами высчитывали, сколько понадобится для данной цели средств передвижения. Длилось это мероприятие по нескольку дней, так что голова уже ничего не соображала. При этом ТВ продолжало работать, днем записывались передачи, шли репетиции и т.д.

Во Владивостоке гастролировал известный эстрадный певец Виктор Вуячич. Днем в большой студии записывался на видео его концерт. По окончании Вуячич вышел из павильона, в этот момент раздался вой сирены и по трансляции прозвучало: «Всем в укрытие!» Телевизионный народ с противогазами, санитарными сумками забегал по студийным коридорам. Надо ли описывать реакцию и лицо насмерть перепугавшегося певца?

А через несколько часов в моем кабинете раздался телефонный звонок, и строгий мужской голос спросил:

— Вы находитесь в эпицентре ядерного взрыва. Ваши действия.

— Я не знаю...

— Позор! Ха-ха-ха! Да от тебя даже мокрого места не останется.

Это был очередной розыгрыш.

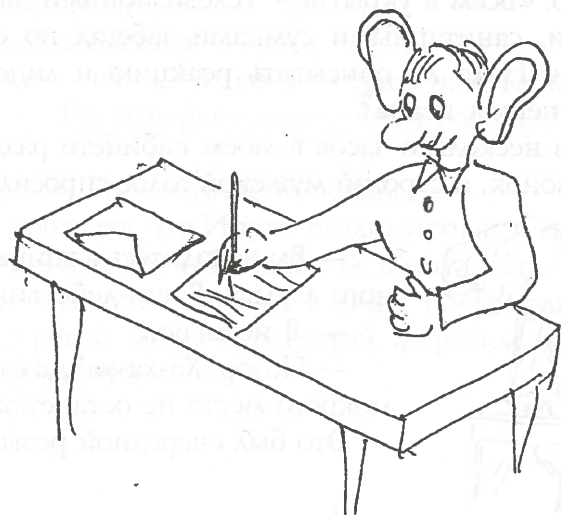

Пока все

Вы думаете, это все. Каждый, ну буквально каждый работавший или сейчас работающий на ТВ вспомнит десятки подобных историй. Нынче на разных телеканалах существует огромное количество так называемых развлекательных передач, главная цель которых — любыми способами расшутить нас. Перечислять подобные программы нет смысла: вы их прекрасно знаете. Порой действительно бывает смешно, но чаще — грустно. Того прежнего наивного, какого-то искреннего и чистого телевидения не будет никогда. Не будет и тех улыбок.

Хотя телебайки продолжают.

И еще. В наше время написано много серьезных и ученых книг о ТВ. И подумалось: а может быть, кому-то телевидение будет интересно не только как объект вдумчивого анализа, но и как источник непредсказуемого юмора? Вот так родилась эта книжечка.

Оглавление

Введение	3
Однофамилец	5
А дама без чулок	6
Космополит	7
Мы с вами так близки... ..	8
Титов на ТВ	10
Телевидение и циклон	11
Фидель Кастро и Мигашко	12
Непонятый жест	13
В эфире дикторы	14
А это я не писал!	16
На Даманском было легче	17
Выборы	18
Что вы хотели сказать своим дурацким КВНом?	19
Нечего чужого мужа соблазнять	21
Бдительный телезритель	22
Ну, озверел!	23
Не посрадим чести Приморского ТВ!	24
Наш человек	26
Спасибо Лапузину!	29
«Пригорки-ручейки» литдрамы	30
<i>Монолог Гамлета</i>	30
<i>Страсти по Матвееву</i>	32
А вы бы помолчали	36
Несостоявшееся интервью	38
Кому интересна моя скромная персона?	40
Я царь или не царь?	41
Забыл... ..	42
Ты скажи мне откровенно	43
«Как Крот у Зайца штанишки украл...»	44
Слово из трех букв	45
Операторы «откушали»	46
Как, баба?	48
Вы в эпицентре ядерного взрыва	49
Пока все	50

Островская Галина Яковлевна

Телебайки

Редактор *Е. А. Кириллова*
Технический редактор *Л. М. Гурова*
Компьютерная вёрстка *Д. В. Мешкова*
Дизайн обложки *Д. Пугачёва*

Подписано в печать 21.02.2006
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 3,02. Уч.-изд. л. 1,82
Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурская»
Тираж 500 экз. Заказ № 51

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического комплекса ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56